

Горький привкус счастья

Автор:

[Алла Демченко](#)

Горький привкус счастья

Алла Анатольевна Демченко

Остросюжетный семейный роман

Талантливый врач Саша Андреева никогда не задумывалась, из каких миров приходят к ней видения о прошлом ее пациентов и куда потом они уходят. Она всего лишь вестник тех людей, кто покинул этот мир, не успев окончить последнее земное дело...

Но в ее жизни наступила сплошная «полоса невезения». Неприятности на работе, полная безнадега в личной жизни. Саша была готова уехать в Германию. Но чужая беда перечеркивает радужные планы. В ее палате медленно умирает успешный адвокат Роман Лагунов. А два года назад под колесами его автомобиля погибла женщина, которая постоянно появляется в видениях Саши и просит передать одну просьбу своей дочери. Саша понимает, что, решив эту задачу, она поможет не только Лагунову, но и себе. Ведь ее любовь тоже рядом, только протяни руку.

Алла Демченко

Горький привкус счастья

© Демченко А. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Мелкий дождь, предвестник скорой осени, моросил с утра. К полудню небо заволокли тяжелые серые тучи. Машины еле ползли, блестя включенными фарами, готовые в любой момент намертво застыть в часовой пробке.

Красникова, как любого нормального водителя, заторы напрягали. Только он старался воспринимать их философски, как что-то неизбежное и само собой разумеющееся. Каждодневная суэта требовала перерыва, пусть даже в такой принудительной форме, как пробки. В такие минуты вынужденного безделья он отпускал бесконтрольно мысли, включал громче музыку и предавался мечтаньям.

Но сегодня, набрав скорость и матерясь в душе, он вел себя на трассе по-хамски, боясь застрять в пробке. Красникову стало глубоко наплевать на сигналы и неслышную брань за закрытыми окнами. Он опаздывал на встречу, где решался вопрос: «Быть или не быть». Никакой шекспировской философии в этом не было. Вопрос жизни и смерти, пусть и отдаленной, касался лично его, Максима Валентиновича Красникова.

Телефон, брошенный на сиденье, задребезжал. Боковым зрением, следя за дорогой, Красников увидел въевшийся в память номер.

– Да еду я! Еду!

Он нажал на газ и вильнул в средний ряд прямо перед носом старого «Москвича». Водитель, видать, не привыкший к такой беспардонности, зло посигналил.

Через десять минут он приткнул свой джип в тихой улочке. Воровато осмотрелся по сторонам и перешел дорогу.

Мужчина, внимательно наблюдавший за Красниковым, презрительно улыбнулся.

– Вы опоздали.

Красников молча кивнул на приветствие и сел рядом с водителем, не реагируя на замечание. С этого момента осталось пережить несколько минут. Встречи с Барковым были короткими, но за это время успевал разрушиться триллион нервных клеток. Сколько клеток вмещается в понятие триллион, Красников не знал. Только после каждой такой встречи он долго приходил в себя. В смерть нервных клеток приходилось верить не понаслышке.

Максим Валентинович, пока водитель не вышел из машины, замороженно наблюдал за прохожими. Из невзрачного офиса выбежали хохочущие девушки. Старушка вела плачущего внука. У маленького человечка было свое маленькое горе. Ему до слез захотелось оказаться в этой разношерстной толпе.

– Как дела? Интересующую информацию, надеюсь, теперь мы сможем получить?

Скрипучий голос донесся с заднего сиденья и вернул Красникова в неотвратимую реальность.

– «Жучок» прикрепил. В конференц-зале, – уточнил на всякий случай Красников и тут же почувствовал допущенную оплошность. Он старался не смотреть в глаза Баркову, но по тому, как тот хмыкнул, неприятный холодок пробежал по спине.

Никакого указания насчет конференц-зала ему, естественно, никто не давал. Но это здесь, сидя в машине, легко рассуждать, где место «жучка». На самом деле он даже не помышлял о том, чтобы маленькое устройство, похожее на фасоль, с торчащими усиками-антеннами, закрепить в кабинете генерального директора банка.

– Документов у меня нет. Пока нет, – исправился Красников. – Но я этот вопрос решу в ближайшее время.

Обещание прозвучало излишне заискивающе. Для полноты картины недоставало только шмыгнуть носом. Красников незаметно посмотрел на часы.

– Знаете, Максим, как говорят: «Плохому танцору...», – вздохнул собеседник. Вы не забыли, на каких условиях погасили свой долг? Надеюсь, вы меня правильно понимаете?

– Я все сделаю. Все, как договаривались. – Красников выговорил обещание на одном дыхании.

– Самый крайний срок – две недели. Иначе...

Что могло последовать после «иначе», Красников и сам знал не хуже Баркова. И были это вовсе не пустые угрозы.

– Уж постарайтесь. И обратитесь к Дорохову. Прислушайтесь к моему совету. Удачи вам, Максим Валентинович.

Встреча подошла к концу. Триллион клеток разрушился. Жизнь укоротилась на несколько минут. Красников, не смотря под ноги, опустил свои дорожные туфли в грязную лужу и, чертыхнувшись в душе, не прощаясь, хлопнул дверью. Втянув шею в ворот кашемирового пальто, он быстро зашагал обратно к своей машине. Чувство облегчения постепенно сменялось безмерной ненавистью.

Эта ненависть имела десятилетний стаж и направлялась на одного человека – Павла Стрельникова.

* * *

В гостиной непривычно пахло валерьяной и пустырником.

– Давление сто пятьдесят на сто.

Саша привычным движением сжала в руке манжетку. Воздух с шипением вырвался наружу. Стрелка тонометра последний раз метнулась по шкале и замерла на отметке «ноль».

– Софья Петровна, бросайте курить. Это я вам говорю как врач. И доживете до ста лет.

Последнюю фразу она произнесла неестественно заученно, скорее по привычке, не вкладывая никакого особого смысла, ибо и сама не находила этого смысла в таком долголетии. Что хорошего в дряхлости и ненужности, особенно когда

ушли близкие и родные люди? Разве это жизнь? Только человек – такое существо, что всеми силами цепляется за эту жизнь. Пусть и дряхлую.

– Это, Сашенька, только в молодости кажется, что жить до ста интересно. – Софья Петровна спрятала под плед сухонькую руку. – Хотя жить хочется. Показалось – умираю. Страшно стало, как последней грешнице. Вот всполошила тебя и Пашу. А раз, по твоим прогнозам, еще буду жить, то пойдем пить чай, – прокуренный голос заметно ожил.

– Софья Петровна, вам лежать надо. У меня сегодня машина служебная. Не могу задерживать. Так что чай отложим до следующего раза, а вот лекарство – сейчас выпишу.

Саше нравился этот старый дом и такая же старая хозяйка. И чай здесь она пила с удовольствием.

Софья Петровна в качестве пациентки досталась ей по наследству от деда. Впервые она оказалась в этом доме незадолго до его смерти. Считай, два года. Они втроем сидели в гостиной, пили чай, а потом приехал... Павел Стрельников. И ее спокойная, размеренная жизнь бесповоротно окончилась.

Через полгода Дмитрий Константинович умер. Как бы она справилась в одиночку с обрушившимся горем, если б не Софья Петровна и бывший однокурсник Степанков?

За окном под колесами машины прошуршал гравий. Хлопнула дверь машины. Встретаться со Стрельниковым не хотелось. Она быстро дописала рецепт, отчего почерк, и без того неразборчивый, превратился в сплошные закавычки. Зачем ей эта встреча?

– Софья! Ты жива?

Голос Стрельникова доносился из прихожей. Было слышно, как он на ходу бросил пальто на телефонный столик.

– Жива. Станет с меня.

– Может, ей в больницу? – Стрельников кивнул Саше в знак приветствия и выжидающе посмотрел куда-то мимо нее.

– Все в порядке. В больницу ехать нет смысла. Лекарство принимать ежедневно – обязательно.

Чтобы не таращиться на Стрельникова, Саша опустила глаза в свою спасительную сумку в поисках рецепта.

– Я думала сама купить таблетки, но раз ты здесь – вот, держи. – Саша протянула рецепт. – Как принимать, я написала. Софье Петровне поменьше волноваться надо... из-за Васьки.

Непонятная, почти забытая дрожь пробежала по всему телу. Все произошло мгновенно, помимо ее воли. Видение появилось внезапно и длилось всего несколько секунд.

Стрельников смотрел на Сашу, то ли ожидал продолжения истории с котом, то ли дальнейших предписаний по поводу лечения. Так он смотрел на нее всегда: золотая оправка модных очков направлена в глаза, а взгляд фокусируется мимо, где-то на макушке. Ей каждый раз приходила глупая мысль – стать на цыпочки, чтобы посмотреть ему в глаза.

После таких встреч настроение у нее пропадало на несколько дней, приходила бессонница, от которой утром появлялись круги под глазами.

– Да Васька, будь он неладный, застрял утром в трубе возле Горских. Сколько раз просила засыпать вход. Васька орал на весь поселок. Хорошо, Горские были дома. Иван еле вытянул. И чего он туда полез? Может, мышь учуял? – Софья Петровна, буднично говоря об утреннем происшествии, присела на диване.

– Кормить надо меньше. Васька твой на кота уже не похож.

Тревога отступила. И дурные предчувствия, не покидавшие Стрельникова последние дни, показались теперь простой надуманностью.

– Саша, ты сама-то как? Все нормально? Хотя бы звонила.

Когда звонить и по какому поводу, Стрельников не стал уточнять. А можно звонить без повода?

Саша закрыла сумку, стянув ее на кожаную бечевку, отчего сумка стала похожей на баул. Где его научили так задавать вопросы, что все ответы, даже самые правильные, были неуместны? Что ему ответить? Все, как прежде. Все нормально. Плохо и будет несколько дней еще хуже. Потом пройдет.

От мысли, что Стрельников все поймет, Саше стало жарко, и лицо предательски покраснело. Хорошо, если б просто покраснело, а то ведь пошло пятнами. Если б она написала рецепт раньше и не засиживалась с Софьей, то не попала б в глупую ситуацию, а так...

Спасение пришло неожиданно.

– Познакомьтесь. – Стрельников направился к двери и, как ей показалось, нежно подтолкнул женщину в гостиную. – Это... Это... Лера.

Золотая оправа случайно сфокусировалась неправильно. Вместо макушки взгляд Стрельникова уперся в Сашины глаза. Он растерялся. Надо было добавить, что Лера – его невеста.

Павел собирался представить Софье Леру по всем правилам, с полным набором правильных слов. Но теперь правильные слова не ложились на язык. Все до одного.

Как представить Леру Саше, он тоже не знал. Слово «невеста» показалось ему вдруг неправильным.

Кто такая Саша, он не стал объяснять спутнице. Он и сам никогда не думал об этом. Она была в их с Софьей жизни, и без нее они никак. Он редко ее видел в этом доме, но знал, что она навещает Софью, может, чаще, чем он.

В гостиной повисла минутная тишина.

Лера оценивающе посмотрела на Сашу и, не найдя ничего, что особо можно оценить, снисходительно кивнула. Она всегда так смотрела, интуитивно

разделяя всех женщин на две категории: соперница и не соперница. Эта непонятно от чего смутившаяся Саша как-то сразу оказалась в списке «не соперница». Все в Александре было обычное: средний рост, короткая стрижка, чуть лишняя полнота, ноги как ноги, черты лица не броские. Далеко не красавица. И только выразительные темные глаза смотрели пронзительно. Такой не солжешь. Но именно такой взгляд делал «не соперницу» старше и мудрее своего возраста. Но разве мужчины ценят глаза, наполненные мудростью?

Потеряв всякий интерес к Саше, Лера направилась к Софье Петровне. Радужная улыбка, мелькнувшая на ярких губах, успела смягчить черты недовольного лица.

- Саша, подожди, я тебя проведу.

Стрельников помогал Лере снять короткое пальто. И было непонятно, где его теперь ждать – то ли в прихожей, то ли на крыльце. Если б она тогда быстрее выписала назначение...

- Сколько раз я тебе говорила, пусть Софью Петровну посмотрит профессор Ильин!

Лера догнала Стрельникова в коридоре. Говорила она нарочито громко, чтобы Саша непременно услышала и обиделась. Подумаешь, глаза у нее мудрые!

- Сам знаешь, толку от этих участковых никакого. После таких консультаций завтра опять будем тащиться сюда!

- Лера, прекрати. Главное – Софья в порядке. А Саша... Она...

Слышать перебранку было неприятно и унижительно. Саша быстро вышла на крыльцо. Возле машины курил водитель.

- Александра Ивановна, домой или в больницу? – Кузьмич сделал последнюю затяжку и, не найдя, куда бросить окурочек, неохотно положил его в дорожную пепельницу.

- Домой!

Провести ее до машины Стрельников так и не успел. Он вышел из дома, когда машина уже выехала со двора, мелькнув красным крестом.

- Это родственники приехали или как? Женщина, скажу вам, как в кино!

- Кузьмич, ты бы за дорогой следил!

- Да слежу, слежу...

Машина, дребезжа всеми внутренностями, подсакивала на каждой выбоине, оставляя позади проселочную дорогу.

- Ты смотри, как дорогу разбили! Асфальт лучше объезжать по обочине, - хохотнул Кузьмич, оставшись довольным своим замечанием.

Что дорога плохая, Кузьмич догадывался, но чтобы вот так разбилась за пару лет, он и не предполагал. Конечно, он мог бы и не ехать в такую даль, не его это дело - обслуживать загородные вызовы, но отказать Александре не мог. Ведь поехала б, как пить дать, на своей «коробчонке». А разве то машина? Так, одно название.

Маленькую желтую «Матиз», похожую на разьевшегося жука, Кузьмич шутливо прозвал «коробчонкой». Прозвище к машине, как к человеку, прилипло сразу. Поначалу Саша даже сердилась на Кузьмича, но со временем и сама иначе как «коробчонкой» машину не называла.

- Александра Ивановна, а он ничего, да? Нам подходит! А машину заметила? Вот это машина, скажу тебе!

- Кузьмич, не фантазируй! Ладно, машину ты рассмотрел. Верю. Но как ты его мог рассмотреть в темноте за минуту и определить сразу, что он нам подходит? - Слово «нам» Саша произнесла с нажимом, уже догадываясь, о чем будет разговор.

- Ну, во-первых, двор освещен. Во-вторых, знаешь, сколько он свою модель обхаживал? Пока та ноги выставила, пока руку подала, попой повертела. Эх, жаль, ты не видела. А вообще, Александра Ивановна, я тебе скажу так, нашего

брата определить несложно. Просто... Ай, не умею я грамотно все эти премудрости житейские объяснить. Ты посмотри! Ямка на ямке! Летают они, что ли, в этот поселок? Ведь что интересно – люди не бедные живут, а дорогу так запустили!

Машину в очередной раз подбросило на кочке. Кузьмич сочно чертыхнулся, но уже через минуту продолжил свою теорию определения настоящего мужчины. Потом разговор плавно перешел на женский пол, до которого он по жизни был равнодушным.

Мотор урчал, печка давала тепло и покой. Мысли перескакивали с одной на другую, убаюкивая Сашу. Она прикрыла глаза. Из глубины сознания всплыл толстый кот, потом лицо Стрельникова. Она давно не боялась своих видений. Откуда они приходили и куда уходили, она не знала и даже не пыталась что-то объяснить.

Первый раз видение появилось в детстве. К деду прибежала насмерть перепуганная соседка. Сбивчивая речь прерывалась горестными причитаниями. Перед сном Саше всегда разрешалось рисовать в дедовом кабинете, сидя в его глубоком, неудобном кресле. И вот тогда, среди деревьев, нарисованных неуверенной детской рукой, и появилось то первое «кино». Саша отчетливо увидела, как соседская девочка ела как конфеты белые круглые таблетки. И еще она откуда-то знала, что у Светки несчастная любовь. Что такое эта самая «несчастливая любовь», ей тогда было невдомек.

Светке промыли желудок. А потом и вовсе отправили в Саратов к бабушке, подальше от стрессового фактора – несчастной любви.

– Дар сам по себе не страшен, если им правильно распоряжаться. – Голос деда звучал отчетливо. – Запомни, Сашенька, главное – не навредить. Твои желания – это только твои желания, и их нельзя навязывать другим. У других свои желания, своя жизнь, свой путь. И ты только...

– Александра Ивановна, просыпайся, приехали!

Сон прервался. Этот разговор с дедом ей снился часто, и каждый раз что-то обязательно мешало дослушать его напутствие до конца.

* * *

В ресторан, где был заказан столик, Красников приехал заблаговременно. Часы в холле показывали без минуты восемь вечера. Он автоматически посмотрел на свой «Ролекс».

Дорохов, который по роду деятельности с таким же успехом мог быть Ивановым или Петровым, внимательно рассматривал меню.

– Вы точны, как ваши швейцарские часы.

Красников оставил реплику без внимания и заказал двойной кофе без сахара.

– Мне не нравится ваша работа. А я вам плачу деньги за нее.

– У вас претензии к работе? – удивился Дорохов. – Здесь полный отчет: где, когда и с кем был объект. Все, как вы просили.

Он кивнул на папку, которую Красников вначале принял за меню.

– Извините. Я неточно выразился, – сконфузился Максим Валентинович.

Официант поставил кофе. Разговор на время прекратился.

– Мне надо, чтобы объект, или как вы его называете, начал больше нервничать, больше суетиться. Потерял равновесие, что ли. – Красников быстро подыскивал в уме другие варианты. – Короче: Стрельников должен быть неработоспособным. Чем быстрее это случится – тем лучше.

– И дороже.

– Разумеется.

– Так может, не надо особо заморачиваться? Доплатите, и дело с концом, – серьезно, без тени улыбки, предложил Дорохов.

Если б Дорохов был ясновидящим или ясно слышащим, он бы ужаснулся, насколько сильным было желание мужчины, сидящего напротив него, уничтожить соперника.

Но «заказать» генерального директора банка Красников не мог по той простой причине, что страх, живший внутри, был сильнее всего. Даже ненависти. Да и потом, что в легкой смерти? Стрельников ничего не успеет почувствовать: ни мук, ни угрызения совести. Почти герой. Нет. Стрельников должен ощутить все то, что ощутил Красников: крах всех надежд!

– Нет, нет, что вы! Только... вывести на время... из строя. Мне все равно, как вы это сделаете. Но чтобы цивилизованно, что ли, – спохватился Максим Валентинович.

Физическая смерть Стрельникова его не устраивала. Все очень просто, даже банально. Должно быть иначе: громкий скандал и репутация такая, что впору охранником идти. Стрельникова он уничтожит морально! Тогда и посмотрим, кто умнее и дальновиднее. А смерть... просто смерть.

– Организуйте слежку, – прервал размышления Красников.

– Вы же еще не посмотрели отчет. Это, – Дорохов постучал пальцами по папке, – и есть результат слежки.

– Да, да... Но вы должны теперь следить так, чтобы он это заметил. И занервничал. Неопределенность – сильный инструмент.

– Вам виднее. Но если объект заметит слежку, то сразу подключит службу внутренней безопасности банка. А я не собираюсь так безграмотно подставлять своих людей. Даже за большие деньги.

– Вы не поняли. Он не станет обращаться за помощью к службе безопасности. Попытается сам все выяснить.

– Вы так уверены?

– Стрельников предсказуем. В крайнем случае обратится к начальнику этой самой службы. Вроде как друзья. А вы потом отмените слезку. Пусть ломает голову, что да как. Главное – чтобы заметил.

Затея Дорохову показалась совсем киношной. Хотя хозяин – барин. Он достал телефон, набрал цифры и протянул Красникову.

– Хорошо. Деньги я переведу сразу, как будет результат.

Счет за услугу показался Красникову неоправданно завышенным. Он вернул телефон и подозвал официанта. Не надеясь, что Дорохов рассчитается за себя, положил деньги в поданную тисненую папку. Официант профессионально наметанным глазом принял посетителей за старых знакомых, встретившихся через несколько лет, когда при встрече перебрасываются дежурными фразами, спрашивают о здоровье, семье, детях, работе. Может быть и другой порядок, что сути не меняет. Обязательно вспомнят общих знакомых. Под конец пообещают звонить и встречаться, наперед зная, что ничего из обещанного не выполнят.

После того как Дорохов покинул ресторан, Красников еще заказал чашечку кофе, который здесь готовили отменно, и без особого интереса открыл оставленную папку.

Отчет был основательным, хотя и занимал не больше пяти страниц. А чего еще ожидать от трудоголика Стрельникова? Работа – дом, дом – работа. Никаких развлечений.

– Что у нас по части личной жизни? Во вторник и среду вечером приезжала женщина. Оставалась на ночь. Значит – любовница, – Красников оживился.

Максим Валентинович внимательно дочитал последнюю страницу. К сожалению, ничего крамольного за Стрельниковым не водилось. А вот любовницу можно использовать. Или ее мужа... – Красников с удовольствием сделал глоток кофе.

В следующем файле лежали фотографии. Судя по толщине – тоже не много.

Красников наугад достал первую попавшуюся фотографию. На снимке Павел Стрельников у служебного входа в банк. Фотографировали профессиональной

аппаратурой. Снимок получился четким. Уголки рта немного разъехались, и если б не строгий взгляд, можно подумать, что генеральный директор банка улыбается.

«Ежик» на голове, слегка тронутый сединой, придавал Стрельникову бойцовский вид.

Если б Красников не знал, кто на снимке, то мужчину можно было принять и за преподавателя какого-нибудь затрапезного вуза, и за вышибалу ночного клуба, столь противоречивым он был с виду.

Следующие фотографии были и вовсе не интересные: Стрельников возле своей иномарки, роскошно блестящей черными лаковыми боками, возле дома, на выходе из супермаркета.

И только две последние фотографии повергли Красникова в недоумение. Он долго не мог оторвать от них взгляд, словно до конца не верил глазам. Снимок явно сделан на какой-то вечеринке. В глубине зала возле высокого тощего мужчины стоял Стрельников, а вот на переднем плане была во всей красе... Лера.

За время, сколько они не виделись, казалось, двоюродная сестра стала еще стройнее и выше. Белокурые волосы беспорядочно спадали на плечи, но в этом беспорядке была вся привлекательность. Слегка увеличенные губы расплылись в улыбке, обнажали ровные белые зубы. Он понимал мужчин, теряющих голову из-за таких женщин. Эх, если б не родственные связи. Но сколько в своих грезах он укладывал в постель женщину, так похожую на Леру.

Последний кадр сделан на даче. И если на предыдущей фотографии Стрельников мог, чисто случайно, оказаться рядом с Лерой, то на даче Акулиных случайных людей не бывает. Кого-кого, а родного дядю Красников знал, как никто.

Молодой человек, в джинсах и рубашке навыпуск, стоял вполоборота. Не узнать Стрельникова было невозможно.

Красников еще раз просмотрел фотографии и аккуратно положил в папку. Никакой любовницы у Стрельникова нет. Но представить Леру в роли жены

Красников, как ни старался, не мог.

* * *

- Павел, надо было тебе возвращаться домой вместе с Лерой.

Софья Петровна чувствовала себя виноватой. Зачем она позвонила внуку? Не умерла ж. И даже если б и умерла, то ничего из ряда вон выходящего не случилось бы.

- С Лерой получилось некрасиво. Отправил домой на ночь глядя одну. Могла б остаться здесь. Павел, ты меня слышишь?

- Лера тебе не понравилась.

- При чем здесь это?

Действительно – при чем? Разве десять лет назад он слушал Софью? Нет, конечно. Павел потянулся в старом кресле. Он не хотел признаваться себе, что в душе рад, что Лера сама приняла решение вернуться в город без него. И вообще, напрасно он ее привозил. Софья здесь ни при чем.

Он любил оставаться на ночь в этом доме. Любил долго лежать в постели, прислушиваясь к ночным шорохам за окном. И обязательно включал во дворе фонарь, чтобы тени от веток колыхались на стенах. Думалось в такие минуты на удивление очень легко, и решения принимались самые правильные. Ближе к полуночи радио начнет транслировать классическую музыку, и тогда он уснет.

Софья Петровна не спеша накрывала на стол. И Стрельников вдруг подумал, что все это ерунда: и тревоги, и все дурные предчувствия – только плод его воображения.

- Летом обещали родители приехать. Сделаем ремонт. Я отпуск возьму. Софья, сколько лет этому дому?

- Ближе к столетию. Почти мой ровесник. У тебя неприятности?

Павел не ответил. Софья приоткрыла фрамугу и закурила прямо в гостиной, стоя у окна.

– Мне Лена на днях звонила и тоже говорила, что собираются приехать. Правда, не факт, что приедут.

Невестку Софья не любила. Елена раздражала ее своей женской удачливостью. Павел во многом был похож на свою мать, такой же высокий, статный, даже красивый. Но уверенность в себе, обоснованность, надежность, породистость – все лучшее, что было у него, по мнению Софьи Петровны, досталось внуку от ее рода.

Сизый, похожий на осенние облака дым медленно пополз за окно. Софья с нежностью смотрела на сидящего внука, пытаясь в очередной раз понять, когда он умудрился вырасти. Казалось, совсем недавно, всего на год ей подбросили Пашку, а годы-то пролетели. Вся ее жизнь пролетела.

Софья Петровна Стрельникова в молодости исколесила почти всю страну, неся на плечах светлые идеи коммунизма. В вечной спешке, за проверками, докладами, отчетами, она и не заметила, как у нее не стало семьи. Сын незаметно, словно между делом, вырос. Вначале Суворовское училище, потом академия, первая любовь и женитьба на Елене, а дальше – служба Родине. И приедет ли ее сын этим летом – вопрос пока открыт.

Своего мужа Софья ни в чем не винила. Даже порой удивлялась его терпению. И ушел он в другую семью как-то незаметно. Собрал вещи, которых оказалось не так уж и много, сложил стопками книги...

Плакать в подушку и горевать Софья не умела. Окунулась с головой в работу и как-то пережила потерю единственного любимого мужчины...

За верность долгу и преданность коммунистическим идеям Софье Петровне высокое руководство выделило квартиру почти в центре Москвы. Престижное жилье она с трудом, задействовав все связи, обменяла на десять соток земли в Подмоскowie. Сколько ни уговаривали подруги отказаться от затеи, но Софья настояла на своем. Так в поселке, рядом с дачей генерала Горского, появился дом Софьи Стрельниковой. А спустя несколько лет в нем прописался шестнадцатилетний Павел. Софья, толком не вырастившая сына, такому

повороту событий не обрадовалась. Но вопрос не обсуждался. Подполковник Стрельников не мог таскать за собой по гарнизонам сына накануне поступления в вуз.

Софья Петровна, которая и видела-то внука до этого раз в год, свободу юноше не ограничивала, с опекой не усердствовала и единственное, что строго-настрого запретила, так это называть себя бабушкой. Столько лет прошло. Павел уже начал сесть, а она так и осталась Софьей.

- Да, ремонт не лишний. Будет где бегать моим правнукам, - вернулась к разговору Софья.

- Не начинай.

- Разве я сказала, что хочу, чтобы безмозглые, длинноногие дети носились в моем доме?

- Софья, где ты видела детей с мозгами?

- Правильно. Откуда взяться мозгам, если интеллект передается от матери? Вот я и говорю - будут у меня правнуки только красивые и длинноногие. Всем в мать.

Ну, конечно, он сразу догадался, что Лера не понравилась Софье, как в свое время не понравилась Ирина.

- Софья, ты просто сама мудрость. Вот я в кого удался.

Павел, еле сдерживая смех, поднялся со скрипучего кресла, обошел вокруг стола и поцеловал свою старенькую Софью. Короткие волосы, хранящие знакомый запах табака и духов, защекотали его лицо.

- Ты, Павел, удался в свою мать. А мудрость, да будет тебе известно, приходит со старостью. А бывает, что старость приходит одна. - Софья сделала последнюю затяжку и выбросила окурков за окно. - Пойдем ужинать.

* * *

Подперев кулаками подбородок, Саша бездумно сидела в ординаторской. Ей было плохо с самого утра. И так будет еще завтра и послезавтра. И только потом станет легче. Жизнь войдет в привычное русло, и все станет на свои места. Осталось пережить несколько дней. Она знала об этом с того момента, как Стрельников зашел в гостиную.

– Александра Ивановна, вас к телефону.

К городскому телефону, стоящему на посту под неусыпным глазом дежурной медсестры, звали редко. Все, еще в прошлом веке, перешли на мобильную связь, а пациенты и их родственники, если надо, звонили прямо в ординаторскую. Из близких людей у нее было только два человека: Софья и Степанков. Из родных – мать. Но та звонила редко и только вечером.

Верочка стояла у двери. Надо было что-то делать, а она сидела и смотрела в окно.

– Александра Ивановна, сказать, чтобы перезвонили вам в кабинет или как?

Лучше, конечно, «или как». Саша сделала над собой усилие, провела рукой по лицу и, словно очнувшись от наваждения, направилась вслед за дежурной медсестрой.

– Добрый день! Андреева слушает.

Телефонная трубка привычно шумела и трещала. Главврач не раз обещал снять номер с блокиратора, но то ли денег в больнице не было на лишние расходы, то ли руки не доходили, но связь оставалась по-прежнему плохой. Саша потрясла трубку и плотно прижала к уху. Трубка наконец-то смилостивилась над ней, и в покрасневшее ухо отчетливо долетел голос. Но, будь то голос с другой планеты, она, наверное, меньше б удивилась. Стрельников гудел в трубку, сетуя на связь, а заодно и на больницу.

– Ты почему на мобильный не отвечаешь?

Саша достала молчащий телефон из кармана и автоматически подключила, вернув чудо века к жизни. Трубка городского в отместку опять зашумела. И было непонятно, то ли Стрельников что-то потерял, то ли сам потерялся. Но невзирая на это недоразумение, он заедет к ней на работу. Она хотела спросить когда, в каком году и в этой ли жизни, но голос потонул в треске, а потом и вовсе пропал. Протяжные гудки стали частыми. На том конце положили трубку.

– Александра Ивановна, вас можно на минутку?

Верочка с нетерпением дожидалась, пока Саша окончит разговор. Молоденькой медсестричке было невдомек, что Саше плохо с самого утра и еще будет так же плохо, а может и хуже, пару дней.

– Александра Ивановна, – Верочка понизила голос, перейдя почти на шепот, – это правда, что Владимира Ивановича отправляют на пенсию?

Слух о том, что заведующий якобы уходит или его уходят, пронесся по отделению еще в сентябре. Говорили разное. Говорили о грядущей реорганизации больницы, что само по себе значило сокращение отделений, а следовательно, и персонала. Всякое говорили. Но администрация, в лице главврача и его заместителей, стойко хранила молчание, и все понемногу успокоились. Надежда – самое живучее, что есть в человеке. Надеялись, что пронесет и на этот раз.

– Александра Ивановна, нас-то не сократят? Как вы думаете? Куда нас сокращать?

Ей, конечно, хотелось больше всего уверенно сказать, что неврологии сокращение не коснется. И если б не звонок Стрельникова, не приступ сердцебиения, она так бы и сказала.

– Верочка, вы не беспокойтесь, идите работайте. Я думаю, это только слухи. Посудите сами, если б решили сокращать, то уже сократили б. А раз бюджет на год принят, так что нечего пока беспокоиться.

– А Владимир Иванович, ведь...

Телефон зазвонил прямо в кармане. Саша машинально поднесла трубку к уху, дав понять Верочке, что разговор окончен, и направилась в кабинет заведующего.

В кабинете Владимира Ивановича ничего такого, что подтверждало б догадки или сплетни коллектива, не было заметно. Все было как обычно. Старая мебель, книжный шкаф, наполненный доверху всякой макулатурой, которую давно надо было выбросить. И старые обои давно не мешало б переклеить. Только Владимир Иванович к окружающей обстановке относился спокойно, скорее безразлично, считая, что вся работа должна сосредотачиваться возле постели больного, а не в кабинете заведующего.

- Как дела? До тебя не дозвониться. Телефон забыла?

- Случайно отключился.

- Ладно. Проходи, присаживайся.

Сегодня был тот первый, самый тяжелый день после встречи со Стрельниковым, когда все шло наперекосяк, и не только телефон.

- У меня, по сути, два дела к тебе, - Владимир Иванович закрыл папку. - Я только что был у главного.

Саша опустилась в кресло, которое столько лет считала своим, и по-настоящему забеспокоилась. Значит, никакие это не догадки и вовсе не сплетни об уходе заведующего.

- Саша, к нам, вернее, к тебе поступает больной. Я только что от главного, - напомнил Владимир Иванович. - Поступает некий Лагунов Роман. Сын того Лагунова.

Заведующий поднял глаза вверх и тяжело вздохнул, словно такие «лагуновы» поступали в отделение впервые в жизни. И сразу стало понятно, что будет не столько работы, сколько нервотрепки. Комок, застрявший в горле, стал уменьшаться. С любой проблемой они вместе с Владимиром Ивановичем обязательно справятся. С этим можно жить.

Она не понимала, почему люди, имеющие деньги, власть и значимость, обязательно считали своим долгом подсказывать, навязывать врачу свое видение процесса лечения. И когда врач, исчерпав всю аргументацию, просил просто не мешать, не отвлекать – это зачастую и служило поводом к словесным и письменным жалобам родственников в вышестоящие инстанции. Почему никто не чинит самостоятельно свой холодильник или компьютер? Вызывают мастера. И никто не дает советы, как тому быть. Стоят в сторонке. Смотрят, затаив дыхание. А если касается здоровья – все готовы лечить, а уж советы давать и подавно.

– Что хотят родственники? Группу инвалидности? Армия? – прервала внутренний монолог Саша.

– В том-то и дело, что уже ничего не хотят. Вот, – Владимир Иванович снова открыл тоненькую папку и взял выписные эпикризы. – Смотри сама. Вначале лечился у нас, в смысле в Москве, потом – в Германии. Вот еще Израиль. И снова у нас.

Владимир Иванович аккуратно сложил выписки на столе и накрыл их широкой морщинистой ладонью. Значит, к этому вопросу они возвращаться не будут.

– А история с ним приключилась, со слов родителей, такая: среди полного благополучия, в расцвете, так сказать, творческих сил, – легкая, едва заметная усталость сквозила в голосе заведующего, – мальчику стало неинтересно жить.

– Мальчику-то сколько?

Возраст она всегда уточняла потому, что к категории мальчиков заведующий относил всех без исключения мужчин не старше шестидесяти лет.

– Мальчик – это я образно. За тридцать. А вот причина болезни... Причина – неизвестна. Зарубежные светила об этом открыто нам не говорят. Но, судя по диагнозу на две страницы, не нашли они причину. Смотри, Александра, – Владимир Иванович развернул папку так, чтобы Саша могла сама убедиться в его словах. – Обследовали очень добросовестно. Все, что могли. А результаты, если очень не придираешься, почти в норме.

– Эти Лагуновы хотят, чтоб мы еще дообследовали их сына?

Саша с легким недоумением посмотрела на Владимира Ивановича.

– Сашенька, после такого обследования мы уже ничего не можем дообследовать. Общее состояние ухудшается, отказывается от еды, не разговаривает, одним словом – собрался человек помирать, а ему не дают родственники.

– Владимир Иванович, – Саша понизила голос, – вы же знаете – Лагунов не наш пациент. С ним психиатры должны разбираться. Это их профиль. Вот увидите, выплывет вялотекущая шизофрения. Вам это надо?

– Мне не надо. Но это распоряжение, если хочешь знать, главного. Лагунов поступает в наше отделение, в твою палату. – Заведующий пропустил разумные сетования Александры и как-то еще больше состарился.

Может, Владимир Иванович действительно боится, что его уйдут, и оттого идет на поводу у главного? А ведь раньше никогда не держался за кресло. Никаких поблажек никому не было. И не помнит Саша, чтобы заведующий клал к себе в отделение непрофильных больных.

– Владимир Иванович, пусть, конечно, поступает в мою палату, раз вы так решили. Но, может, лучше к Дуднику? – с надеждой спросила Александра. – Дудник представит все свои научные регалии, и родственники успокоятся. А если родственники такие, как вы говорите, то, может, к Елизавете в палату? Она быстро расставит все точки. И тогда...

– Саша, регалии Дудника помогают неврастеничкам. И это всем известно. А у нас не тот случай. И Елизавета твоя мне всю плешь проест, когда...

Мелкая незаметная дрожь пробежала по телу и сконцентрировалась между лопатками. В одно мгновение ординаторская наполнилась непонятным гулом. Казалось, по коридору на бешеной скорости несется машина. Воздух в кабинете стал плотнее, отчего Саша глотнула его полным ртом и закашлялась.

– Саша, с тобой все в порядке?

Шум внезапно исчез. Голос заведующего стал более внятным.

– Все нормально. Я хочу поговорить с родственниками. А если действительно их сын наблюдался раньше у психиатра?

– Дался тебе тот психиатр! Я же говорю – уехали они. Все, что считали нужным, сказали главному. С этим вопросом вроде все. И вот еще...

В горле образовался комок. Сердце ухнуло в груди. Пусть сколько угодно скандальных «лагуновых» с непрофильными диагнозами, только не уход Владимира Ивановича. Только не уход.

– Саша... Я уйду на пенсию, – боюсь, что Саша его перебьет, Владимир Иванович поднял руку. – Вопрос уже решен наверху. Да и сколько можно работать? Не знаю, кого главный видит на моем месте, но я вижу только тебя. Я главному так и сказал.

– Владимир Иванович, вы же знаете мой ответ. Это не мое. Я не смогу. Здесь нужен другой человек. Другого склада. Лучше Елизаветы никто не справится. Вы же сами знаете. Спасибо, конечно. И... Я, скорей всего, уеду в Германию. Мне пришло приглашение в клинику. Я должна дать ответ.

– Конечно... Конечно... Раз приглашают, то... решать тебе. Но... Мне очень жаль...

Владимир Иванович поднялся из-за стола и подошел к шкафу, потом – к окну. Посмотрел на кактус, попробовал на ощупь землю в горшке, словно этот кактус был тем самым главным, что его волновало. От нервного мельтешения заведующего у Саши разболелась голова. Она смотрела во все глаза на Владимира Ивановича, не понимая, откуда у него, всегда сдержанного и спокойного, взялась эта старческая нервозность. Да еще этот непрофильный пациент.

– Елизавету не утвердят. С ее-то характером. А ты подумай. Время еще есть. Подумай хорошенько.

Наконец-то Владимир Иванович сел и немного успокоился. В кабинете повисла тишина.

* * *

Первый день после встречи со Стрельниковым близился к концу. В рабочей суете она вспомнила о Павле, только когда увидела его из окна ординаторской.

Стрельников, прохаживаясь по истоптанной дорожке, периодически посматривал на циферблат. И надо ж, ко всем неурядицам еще и рецепт потерять. Не найдя в аптеке бумажки с размашистым почерком, он перезвонил Софье, но та, как ни силилась, кроме Сашиных наставлений о вреде курения, о лекарстве не вспомнила. Он хотел позвонить Лере, может, она помнит, куда он приткнул рецепт, но, представив тональность разговора, решил – проще самому съездить в больницу.

Он опять посмотрел на часы. До встречи с начальником внутренней охраны банка оставался ровно час. Он успеет. Если Саша, конечно, не опоздает на целый час.

Павел еще раз посмотрел в сторону главного входа в больницу и боковым зрением заметил припаркованный синий «Опель». Все мысли о женской непунктуальности вылетели из головы. Взгляд прикипел к водителю.

Натянув почти на глаза яркую нелепую кепку, миновав проходную, тот направлялся к охраннику. Судя по жестам, вероятнее всего, он спрашивал куда-то дорогу и, получив отрицательный ответ, так же не спеша направился обратно к воротам.

Мало ли в городе синих «Опелей». Он бы не обратил внимания на заурядную машину, если б не события последних дней.

...Поздно вечером, едва он покинул парковочное место для служебного транспорта банка, за ним тронулся такой же невзрачный синий «Опель». Еще не поняв до конца, что именно заставило насторожиться, Стрельников переключил скорость и, влившись в монотонно гудящий поток, интуитивно скосил глаза в зеркало.

«Опель» двигался следом, то отставая на три машины, то вырываясь вперед. Факт сам по себе еще ни о чем не говорил. Мало ли кто как ездит.

Переключив скорость и едва не подрезав черный «Мерседес», Стрельников мотнулся в образовавшийся промежуток соседнего ряда, надеясь в душе, что «Опель» поедет своей дорогой в левом ряду. Однако надежды не сбылись. «Опель», почти незаметный в общем потоке машин, сразу же перестроился в правый ряд и спокойно следовал, как на привязи, за ним до самого дома. В такую случайность Павел не верил.

А еще днем раньше этого водителя он заметил возле банка. Лица, конечно, не разглядел, а запомнилась только не по сезону яркая кепка, так же натянутая на глаза. Возможно, тот ожидал пассажира, по какой-то причине приехавшего так рано в банк. Мало ли у кого какие дела с утра.

Дежурный охранник только плечами двинул, мол, кто, кроме вас, в такую рань ездит по делам. На том все и окончилось.

И вот опять появилась эта злополучная машина. Встреча с незнакомым человеком в многомиллионном городе вообще маловероятна, если это не... слезка. Мысль о слезке, как зубная боль, впилась в мозг. Из-за этой мысли он даже не заметил, как, стуча высокими тонкими каблуками, на дорожке, старательно подметенной дворником, появилась Саша.

Стрельников не мог взять в толк, как можно ходить на такой высоте, не падая, не спотыкаясь, прямо держа спину.

– Добрый вечер! Вот, держи и не теряй.

Из кармана темно-синего флисового халата, наброшенного поверх снежно-белого, появился на свет близнец утерянного рецепта.

– Извини за беспокойство. Тебя подвезти домой? – сам не ожидая того, смутился Стрельников.

– Спасибо. У меня еще работа, – улыбнулась Саша. – Софье привет.

Она стояла перед Стрельниковым, зябко запахнув верхний флисовый халат, не зная, как надо уходить и что говорить при этом.

– Ну, тогда до встречи. – Стрельников, занятый своими мыслями, развернулся и зашагал к выходу, ища глазами синий «Опель».

Машины нигде не было.

* * *

По закону подлости Красников столкнулся с генеральным у самого выхода. Стрельников возвращался в банк. Еще минута, и они бы разошлись.

– У вас проблемы? – Стрельников красноречиво кивнул на огромный циферблат. До окончания рабочего дня оставалось полчаса.

– Виктор Афанасьевич звонил. Просил подъехать. Надеюсь, не опоздаю, – Красников кивнул в сторону настенных часов, – если, конечно, я не нужен здесь.

Красников внимательно посмотрел в глаза Стрельникова. За тонкой золотой оправой мелькнула еле заметная тревога. А может, только показалось?

«Надо рассчитаться с Дороховым. Работа выполнена», – решил про себя Максим Валентинович.

Заместитель Стрельникову в конце рабочего дня был не нужен. По большому счету, конкретно Красников ему вообще был без надобности. Проку от заместителя никакого. И он всегда ставил такую задачу перед Красниковым, чтобы Максим Валентинович обязательно с ней справился. Или такую, от решения которой ничего не зависело. И делал он все это не ради Красникова, а только в знак благодарности Акулину за то, что тот не позволил племяннику использовать его высокое покровительство.

К работе Красников, несмотря на занимаемый пост, относился без особого рвения, скорее равнодушно, как заурядный клерк. Вот и сейчас оправдание придумал на ходу. Пусть идет на свою встречу. Стрельников пропустил выходящего Красникова и направился в кабинет.

Ни на какую встречу с Акулиным Красников не спешил. Не было никакой встречи. Он как замороженный по-прежнему ездил в Грохольский переулок с

надеждой, что в квартире на третьем этаже загорится свет. Но каждый раз окна зияли темнотой. Телефон Марины молчал. С того вечера, как он проиграл деньги, она не ответила ни на один звонок.

После всех тех событий Максим Валентинович уже нисколько не сомневался, что Марина в его жизни появилась неспроста. Не могла она все придумать одна, да и проку ей с этого, скорее всего, никакого. Выходит, кому-то помогала.

Красников вдруг почувствовал, как кольцо вокруг него сжимается, и это будет просто чудо, если он вырвется из него. Кто-то вел свою жестокую игру, и он, Максим Валентинович, оказался обычной пешкой, разменной монетой. В жизни, как в любой игре, есть один победитель и много побежденных.

Но когда же он допустил роковую ошибку? А может, это никакая не ошибка? Может, так должно было случиться? Но почему именно с ним? Он с ненавистью опять подумал о Стрельникове. «А ведь Стрельников нервничает, – отметил про себя Красников. – Это только начало. У каждого своя игра. На этот раз я не проиграю».

Стрельников пришел на работу в банк, когда он уже заведовал отделом. Сколько ж он проработал под его началом? Год? Больше?

Он изначально знал, что придет время, и он, Максим Красников, будет генеральным директором банка. Он знал об этом с того момента, когда подвыпивший Виктор Афанасьевич мечтательно говорил о светлом будущем единственного племянника. Акулину он тогда верил.

Когда же ему не повезло? Может, когда разошлись родители? Но Максиму тогда не было и года. Так что испытать трагедию от ухода отца не довелось. Слишком мал был. А потом, когда подрос, рядом почти всегда был дядя, брат матери, который любил и баловал его как родного. Но, невзирая на эту заботу и любовь, он перед сном, крепко закрыв глаза, долго мечтал о том, как однажды к нему вернется его родной отец. Он будет такой, как дядя. Непременно такой и даже лучше.

Первое невезение случилось в конце девятого класса. Акулины переезжали в Москву. На осень Виктор Афанасьевич планировал забрать племянника к себе. Все было давно говорено-переговорено, но в августе внезапно решение

изменилось. Мать кое-как пыталась объяснить, что здесь ему будет легче окончить школу и подготовительные курсы при местном пединституте ничем не хуже, чем в Москве, программа-то одна. Причина была в другом. Нинель Станиславовна, никогда особо не признававшая бедных родственников, настояла на своем, и властный Акулин, во избежание затяжного семейного скандала, забрать Максима не решился.

Правда, часть обещаний Акулин сдержал: устроил племянника в финансовый институт, оплачивал квартиру, помогал с учебой, по большей части деньгами.

Часто звал в гости, но, зная неприязнь Нинели Станиславовны, Максим старался как можно реже появляться в доме Акулиных.

Первое серьезное разногласие с Акулиным произошло после четвертого курса. Все сложилось одно к одному: летнюю сессию он, по собственной глупости, завалил. О стипендии нечего было и думать. Зная реакцию Акулина, он долго не обращался за помощью, пока на горизонте не засветило реальное отчисление из института за прогулы и «незачеты». Конечно, тот даст денег и утрясет все проблемы, но перетерпеть осуждающий взгляд прищуренных глаз на бульдожьем лице было унижительно. Акулин раздражался от одной лишь мысли, что его племянник может бездельничать, вместо того чтобы учиться и готовиться сменить его у руля банка.

В тот раз Акулин молча достал деньги из сейфа, отсчитал нужную сумму, после чего позвонил декану. Проблема передачи сессии решилась быстро. От предложенной помощи в очередном ремонте корпуса декан не отказался. Акулин впервые не вдавался в подробности, не читал нотаций. Подвох Максим почувствовал сразу. Акулин впервые потребовал возратить долг. Даже не возратить, а отработать. Так он оказался в банке самого Акулина. Работа была не пыльная на должности «пойди, подай».

В конце лета, аккуратно положив зарплату в конверт, Максим появился в приемной Акулина. Деньги тот, естественно, не взял...

Спустя год отношения наладились. На следующий день после выпускного вечера, получив вождеденный диплом, Максим пришел в гости к Акулиным. Окончание института еще раз отпраздновали в тесном домашнем кругу.

– Что собираешься делать, племянничек? – подвыпившим голосом спросил Акулин.

– Буду искать работу.

– Не торопись. Отдохни пару недель, съезди к матери, отоспись. А потом поговорим о работе.

Судьбу племянника Акулин решил давно, еще до поступления в финансовый институт. К теме поиска работы больше не возвращались. Все было ясно. Работа обеспечена.

Через пару недель Акулин позвонил и пригласил племянника на обед. Радужные мечты не покидали Максима всю дорогу до ресторана. Он четко представлял и собственный кабинет, и длинноногую, как в кино, секретаршу, и подчиненных, и собственного водителя.

Разочарование было сокрушительным. Ничего из надуманного ему в ближайшие годы не светило. Обычная работа среднестатистического экономиста в новом, никому не известном банке. Если б у него был выбор – никогда б не согласился на предложение Акулина. Ничего перспективного в предложении не было. Но вся беда в том, что выбора как раз у него и не было.

– Знаешь, Макс, у меня на тебя все надежды. Лера выбрала пединститут, да и какой с нее финансист? – запивая обед молодым божице, проговорил Акулин. – Думаю, со временем ты многого достигнешь. Да и я помогу, чем смогу, а дальше уже и сам. Эх, мне б твои годы, твои возможности, – с сожалением вздохнул Акулин. – Надеюсь, ты оправдаешь мои надежды. Деньги, они, знаешь, счет любят. И лучше, когда все деньги в семье, – подытожил разговор Акулин. – Так что приступишь к работе со вторника, – суеверно предложил Акулин. – А там жизнь покажет...

Красников без особой надежды посмотрел на темные окна. Может, Марина снимала эту квартиру, и он только зря время теряет?

Навалившиеся воспоминания и давно забытая обида вызвали жалость к себе. Что и когда он сделал не так?

Работа в захудалом филиале банка, без особой перспективы – все, что мог предложить тогда старый денежный мешок. Хотя о том, что только благодаря «денежному мешку» он смог окончить с горем пополам институт, Красников не думал. Тогда хотелось быстрых, легких денег, кабинет и секретаршу. А теперь он отдал бы, не задумываясь, все деньги, только б оказаться в том ресторане, где Акулин неторопливо пил молодое божоле. У него все было б по-другому.

Занятый своими невеселыми мыслями, Красников даже не заметил, как старый дом в Грохольском переулке засветился огнями, словно новогодняя елка. Пустые окна Марининой квартиры стали едва заметные.

Десять лет назад Стрельников пришел в банк на собеседование под конец рабочего дня. Молодой, уверенный в себе, он сразу не понравился Красникову. Клетчатая рубашка плохо сочеталась с твидовым пиджаком. Вылинявшие джинсы бросались в глаза и раздражали. Стрельников спокойно сидел на неудобном стуле, ничуть не беспокоясь о впечатлении, произведенном на работодателей. Таких выскочек Красников не любил всей душой. А Стрельникова действительно не волновала «внешняя сторона» решительно ни в чем. Все, по его понятиям, должно быть удобным и функциональным. Одежда – комфортна, машина – доступна. Телефон для того, чтобы звонить, телевизор – чтобы смотреть. Но когда речь зашла о работе, все забыли, что перед ними вчерашний выпускник, пусть и с красным дипломом.

Так думать, как думал Стрельников, критикуя старую банковскую систему, никто из собеседующих не мог. Слишком революционными взглядами веяло от Стрельникова. Он быстро и красиво чертил карандашом на листе бумаги заумные стройные графики и кривые, ползущие вверх. Проекты были перспективные, но, как говорят, еще очень сырые.

Он, Максим Красников, заведующий валютным отделом, был уверен на все сто, что работы в банке Стрельникову не видать. Слишком хорошо за три года он изучил акционеров и их стиль работы. Прямолинейный Стрельников и его идеи насчет реорганизации частного банка, с введением новых структурных единиц, казались ему бредом сивой кобылы.

Тогда он единственный проголосовал против кандидатуры Стрельникова. Его голос никто не принял во внимание. Главным был лишь один человек – Акулин. Он решал все.

На этот раз его план сработает. Как говорится: нет худа без добра. Он замарает Стрельникова, он еще покажет, кто есть кто... Красников неторопливо выехал со двора.

План у Максима Валентиновича был и тогда, лет пять тому. План был гениальный. Его детище погубила самоуверенность. Он недооценил Стрельникова, понадеявшись на его неопытность. План сорвался. Но какой был план... От этих воспоминаний Красников на секунду прикрыл глаза.

Он продумал тогда все до мельчайших подробностей, нашел мелких бизнесменов, которые согласились ему помочь. Он сам отнес на утверждение все необходимые бумаги Стрельникову. Идея была заманчивая. В кратчайшие сроки банк мог получить приличные проценты. А следовательно, и они со Стрельниковым.

Начинающий заведующий отделом кредитования вопрос изучил дотошно и нашел скрытые банковские риски, половину из которых Красников с натяжкой опроверг. Но риск все же оставался. Разрешение на выдачу краткосрочного кредита Стрельников не дал.

Спустя месяц идея Красникова все же воплотилась в жизнь. Молодые прохиндеи, почуяв легкие деньги, от его плана не отказались и кредит все же получили в другом банке.

В качестве залога они предоставили, как и предполагалось, несколько грузовых автомобилей «МАЗ». Когда срок возврата кредита подходил к концу, те радостно сообщили, что товар, продажей которого он планировал рассчитаться за кредит, уже прибыл и проходит растаможивание, что и подтвердили соответствующими факсовыми сообщениями. Осталась самая малость – развезти товар по магазинам. Только деньги у них на исходе, а отсюда – проблемы с арендой транспорта. Конечно, они найдут деньги, но на это уйдет время. А если банк, всего на пару дней, вернет под расписку заложенные автомобили, то дело решится без промедления. И хотя в банке отлично знали, что фальсификация факсовых сообщений – дело нехитрое, все же решили пойти навстречу клиенту и закрыли залог. Результат последовал незамедлительно: кредитные деньги безвозвратно исчезли за границей, а «МАЗы» продались через Интернет.

Как ни странно, но причитающийся процент от сделки Красников тогда получил. Начинаящие мошенники свое обещание сдержали.

А через год в банке разразился уже настоящий скандал. Случилось непредвиденное. Просроченные ссуды поставили банк на грань разорения. И, скорее всего, так оно и было б, но потом вмешался всеильный Акулин. Скандал быстро замяли. Генеральный директор подал в отставку. Многие догадывались, что его подставили. Начальник охраны банка провел внутреннее расследование, но доказать причастность кого-либо из сотрудников тогда так и не удалось.

На повестке дня стоял вопрос о назначении нового генерального директора банка. Освободившееся кресло по праву должен был занять Красников Максим Валентинович. Но Акулин решил иначе...

Красников с сожалением еще раз посмотрел на темные окна и выехал со двора дома в Грохольском переулке.

* * *

В последний раз она видела Стрельникова вчера в больнице и еще за день до того. С какого дня теперь вести отсчет своим горечам, Саша толком не знала. Если б можно закрыть, а еще лучше стереть, как в компьютере, файл в голове, чтобы вообще не думать о нем. Но лицо Стрельникова всплывало в памяти, невзирая ни на какие усилия воли. Она наугад взяла из папки историю болезни, краем уха слушая коллег. Дудник спорил с Елизаветой, доказывая той, что сокращение в больнице неизбежно и начнут это сокращение не иначе как с травматологии.

- Глупость! Их не сократят. Травмы куда ложиться будут?

- Елизавета, да никто не думает об этом. Слыхали, они план по травмам не выполнили? Отделение почти гуляет. Вот им и сократят койки в первую очередь.

- Поэтому я и говорю, что глупость! Откуда им взять эти койко-дни, если весна без гололеда. А вспомни, что творилось у них в прошлом году. Завал. Больные в коридоре лежали.

– Что было в прошлом году, главный уже не помнит, а то, что сейчас койки гуляют, – видит.

Прошлую весну помнили все. В начале марта растаял снег, а за ночь все подмерзло. Народ скользил по нечищеным тротуарам, падал, получал ушибы, ломал кости, и работы травматологическому отделению было невпроворот. А в конце месяца ситуация повторилась. Все, за исключением главного врача, понимали абсурдность сокращения коек, а следовательно, и персонала в травматологическом отделении. Что значит «сегодня мало больных»? А что будет завтра?

И если б не Стрельников, она непременно переживала б и строила догадки о том, как эта реорганизация, а проще – сокращение, коснется их отделения, перевыполняющего все мыслимые и немыслимые койко-дни. Осталось пережить еще один день. Или два? А потом она тоже будет волноваться вместе со всеми, предполагать и строить догадки.

– Александра, что говорит по этому поводу Владимир Иванович?

– Не знаю. Ничего вроде...

На подоконнике зазвонил телефон и сразу смолк. Они втроем одновременно повернули головы в надежде, что кто-то ошибся номером и сразу отключился, но телефон ожил снова. Дудник нехотя поднял трубку.

– Чай без меня не пить. Я в приемное отделение. К нам больной поступает. Или предложить его травматологии, пусть выполняют план? – беззлобно хихикнул Дудник.

– Саша, у тебя глаза несчастные. Ты что, серьезно так переживаешь? – Елизавета плотно прикрыла дверь за Дудником и включила чайник.

– Переживаю. Не знаю, что мне делать с Германией.

Она действительно не знала, что делать. Профессор Шульман требовал ответа. Стажировка в его клинике оставила неизгладимое впечатление, словно там, в Германии, она столкнулась с инопланетной жизнью. Все у них было какое-то

неземное, нереальное. Небольшая клиника хрустела чистотой. Современная аппаратура, уютные палаты, белозубые улыбки персонала. Чудаковатый доктор Куртц. В сохранившихся до сих пор четырехсотлетних домиках жили добропорядочные бюргеры. И больные у них были совершенно другие.

– Знаешь, Лиза, после Германии я стала еще больше жалеть наших больных. Однажды утром такая суета поднялась в отделении, думаю, кому-то хуже стало за ночь. А оказывается, пациентка переполошилась потому, что дома кошка осталась одна без присмотра. Она не успела определить ее в кошачью гостиницу. Представь, все занялись решением этого вопроса. Вот так.

– И как? Решили?

– Да. Вызвали кого-то из службы то ли спасения, то ли защиты животных. Нашим бы пациентам да их проблемы.

– Это точно. У меня вот Кравцова отказывается от лечения. Денег на лекарство нет. Муж пропил все деньги. Нашел заначку и пропил. Мне ее дочь позвонила, просила не выписывать. Постарается у кого-то деньги одолжить.

А еще у нее там случился почти роман. Настоящий служебный роман с ассистентом профессора Шульмана. Она даже успела подумать, что Вальтер Нойманн именно тот мужчина, который ей нужен. Осталось только поверить в это...

Вальтер Нойманн... Он был, наверное, настоящим немцем: пунктуальный, педантичный, уверенный, что планета крутится вокруг Германии, целеустремленный в работе и... немного скучный.

Она примет приглашение профессора и поедет в Целле. По утрам на выходных будет пить кофе у открытого окна и рассматривать прохожих. И даже думать будет по-другому. И Москва будет далеко от нее, а следовательно, и Стрельников. И тогда в ее жизни не случится ни первого, ни второго дня после встречи с ним. И она станет свободной и постарается влюбиться в Вальтера Нойманна. А что...

– Ты можешь себе представить, чтобы немцы с утра ломали голову: сократят или не сократят их отделение, если сегодня у них меньше больных, чем месяц тому?

Вопрос Саша задала риторический. Ничего подобного у добропорядочных немцев не может случиться. Там даже есть кошачьи гостиницы...

– У меня новый пациент, и совсем непонятный.

– Когда они у нас были понятные? – улыбнулась Елизавета.

– Я не знаю, что с ним делать.

* * *

Роман Лагунов безучастно лежал в постели. От прохладной свежести в палате захотелось спать. Пройдет несколько дней, и все изменится. Палата наполнится запахом лекарств, больного тела и... прежней тоской.

Придет очередное светило от медицины и будет с пафосом говорить, что все у него будет хорошо, что попал он в самую что ни есть современную клинику с такими возможностями, что и не такие, как он, спустя неделю бегали. Через день или два порадуют, что результаты обследований почти в норме и упадок сил – всего лишь результат его работы на износ. Переутомление.

Он не верил ни одному светилу. С того момента, как его захлестнул страх на пустой, скользкой трассе, он не верил никому. Все, что у него было: репутация, признание, успех и любовь – все осталось в той, прошлой жизни. В этой – одна звенящая пустота, ради которой не стоило жить.

Роман прикрыл тяжелые веки.

Свою безупречную репутацию он заработал талантом, доставшимся от отца и многократно умноженным на упорство матери. Ни таланта, ни репутации купить нельзя – это он точно знал. И гордился, что достиг этого сам, своими силами. Что касается любви... Ее-то, как оказалось, он покупал всегда, даже не подозревая о том.

Еле слышно скрипнула дверь. Он не стал открывать глаза, пытаясь определить, кто и зачем зашел в палату. Последнее время только это занятие и вызывало

интерес.

Возможно, если бы та женщина его любила, у него был бы смысл бороться за жизнь. От нелепого предположения Лагунову стало смешно и немного щекотно от легкого удара молоточком по полусогнутому колену. Доктор, совсем молодая, пахнувшая морем, проверяла рефлексy. Процедура первичного осмотра была везде стандартная. Удар молоточка вначале приходился на локти, перемещался на колени и оканчивался на голеностопных суставах. Напоследок тонюсенькая острая игла пробежится по коже, проверяя оставшуюся чувствительность. От этого ровным счетом ничего не изменится. Ему на мгновение даже стало жаль эту молодую докторшу, зря тратившую на него свое время. Как же ее зовут... Забыл.

Он не стал отвечать на ее профессиональные вопросы, пытаясь предугадать, когда она начнет его обнадеживать и призывать бороться за жизнь, сейчас или после полного обследования.

Лагунов закрыл глаза. Устал.

Саша еще раз посмотрела на своего нового пациента и сделала первую короткую запись.

Утренний обход растянулся до обеда. Сначала на посту не могли найти историю болезни Крикунова. Оказалось, что хирург-консультант прихватил ее вместе со своими бумагами. Потом пришли родственники Зарецкой, и надо было срочно решить вопрос с направлением на ВТЭК, потом ее срочно вызвали на консультацию в приемное отделение. И только покончив со всеми неотложными делами, Саша достала из папки тоненькую историю болезни Романа Лагунова, которая со временем обрастет вкладышами консультантов, ежедневными стандартными записями и разбухнет, как старая домовая книга. Но это – со временем...

– Ну, как твой новый больной? Я вчера его мельком видела. Ты права. Лечиться ему надо в заведении имени Гиляровского. Вот скажи, куда смотрел Владимир Иванович? Пенсия, знаешь ли, еще не повод для попустительства.

Елизавета говорила и быстро печатала, не отрываясь от компьютера. Обсуждать решение своего учителя и наставника Саша не стала.

- К тому же наша больница ему даже по статусу не подходит. - Елизавета допечатала последнее слово и повернулась к Саше. - Спокойно мог бы лечить свою депрессию в частной клинике.

- С чего ты взяла, что у него депрессия? Знаешь, кто его смотрел?

- Кто его смотрел - я могу только догадываться. Представляешь, в какие деньги влетело лечение? Смотрели его не те. К психиатрам не обратился, а сразу за границу умотал. Спрашивается, почему?

Втягивая Сашу в разговор, Елизавета между тем включила чайник и достала три чашки: себе, Саше и побольше - Дуднику.

- Н-а... Может, оно и так. Хотя его тоже можно понять. Боялся за карьеру. Если б кто узнал, что адвокат, перед тем как вести их дело, лечился в психбольнице. Клиенты - народ разборчивый.

- А я тебе о чем говорю? Чай будешь? Или кофе сварить?

Саша пожала плечами, мол, все равно. Готовь, что хочешь.

- Так что полежит он у тебя две недели, и тю-тю. Снова к светилам.

- Но родители ничего такого не говорили. Вроде никакого стресса у сына не было.

- Ой, Саша, они, может, ничего и сами не знают. Мальчик-то взрослый. А может, наоборот, все знают, но не хотят говорить. В каждой избушке - свои погремушки. Кофе сварить или как?

- Может, Степанкову его показать?

- Покажи. Твой Степанков - новоявленное светило психиатрии. Вот и покажи.

- Кому нужен психиатр? Александра, тебе? Или я что-то пропустил?

Дудник уловил суть разговора сразу, как только зашел в ординаторскую. И теперь, усевшись на диване, ждал продолжения истории.

В его тоне Саша уловила подвох, а потому неопределенно кивнула и неохотно потянулась к чашке. Невзирая на кустарные условия приготовления, вернее, на полное отсутствие условий как таковых, кофе у Елизаветы получался вкусный и ароматный.

– Несправедливость вопиющая! Почему, как только поступает перспективный больной, так сразу к Андреевой? А если какой-нибудь алкаш с невропатией, так, пожалуйста, Дуднику.

– Константин Викторович, – Елизавета протянула чашку Дуднику, – перспективный больной, как ты говоришь, только поступил. Саша еще толком историю болезни не заполнила. Подойди к заведующему, и он передаст тебе Лагунова. И больной весь твой, со всеми родственниками и связями, и прочими удовольствиями.

– Злая ты, Елизавета! – хохотнул Дудник. – Ведь думал, чтобы вам как лучше было.

Он был единственный в их маленьком врачебном коллективе, кто себе позволял выбирать больных. И надо отдать должное, выбирал очень правильно, по большей части тех, у кого остеохондроз или подтверждение инвалидности.

От тяжелых, непонятных больных, с неуточненным диагнозом он умело отказывался, ссылаясь на отсутствие свободных мест. А даже если в палатах и были места, то обязательно кто-то поступал. И не просто поступал, а по звонку сверху. Получалось даже коллегиально, почти благородно.

Елизавета посмотрела на Александру и рассмеялась. Думали они об одном и том же.

* * *

Небо заволочли осенние тучи. Стрельников подошел к окну и внимательно осмотрел внутренний двор. Машин, стоящих с утра впритык, стало заметно

меньше. Сотрудники начали разъезжаться по домам. Впереди их ждали два законных выходных. Он, сколько себя помнит, всегда любил пятницу. И вовсе не за сулящее безделье. Эти два дня он мог заниматься, чем душа пожелает. А желала она все чаще кабинетной тишины и хорошей книги. И если б кто спросил, не утомляет ли его одиночество, он бы только удивился такому вопросу. Что можно постигнуть в суете...

И впереди у него тоже два дня заслуженных выходных. Стрельников, всматриваясь в машины, силился вспомнить, когда появилось это липкое и неприятное чувство внутренней тревоги. Такое чувство он испытал, только когда занял должность генерального директора банка. Но тогда для тревоги были причины.

Поначалу Стрельникова в банке недолюбливали. Долго судачили в курилке по поводу неожиданного назначения. Строили догадки, сплетничали. Да так, что сами потом пугались своих сплетен. Ждали резких кадровых перемен. А как же, всем известно – новая метла по-новому метет. Все было как в любом коллективе. Он обо всем догадывался, некоторое время даже переживал, пока рабочие проблемы не захлестнули с головой.

Одни говорили, что не справится. Молодо – зелено.

Он ни с кем никакие счета не сводил, никого не уволил. Некоторое время все оставалось по-старому. Новое пришло постепенно, без резких движений, как что-то само собой разумеющееся. Вначале он создал маркетинговый отдел, потом сформировал комитет кредитного риска. Он догадывался, что кто-то из старых, бдительных кадров нововведения осуждал и даже не поленился «настучать» учредителям. Он ожидал директив, но нисколько не тревожился о конечном решении. Умные – поймут, а если не поймут... Акулин оказался третьим калачом.

– Стрельников делает сегодня то, о чем другие будут завтра еще только думать, – однажды в кулуарах озвучил свою мысль главный держатель акций Акулин. – Если бы среди нас, господа, был профессионал банковского дела, однозначно, он бы возглавил банк. А раз таких нет, то хорошо, что Стрельников оказался у нас, а не у конкурентов.

После такой явной поддержки Акулина Стрельникову больше никто не мешал работать.

Другие, в основном женщины, решали только один животрепещущий вопрос – с кем станет спать. Об этом говорили в перерывах на работе и дома – по телефону. Ждали с нетерпением. Присматривались, прислушивались. Одним словом – женщины.

Стрельников придерживался иного мнения. Работа и постель – вещи несовместимые. Но лучшая половина банковского дела об этом не знала и еще долго питала надежду. Спокойный, уверенный в себе, с едва заметной сединой, а главное, холостой, Стрельников не переставал волновать одинокие и не совсем одинокие женские сердца.

Третьи ждали, кого приблизит, выделит, допустит, так сказать, к телу. Но Стрельников знал если не всему, то многому истинную цену, поэтому не старался оправдать ничьих надежд. Особо дружеских отношений ни с кем не заводил. Ко всем относился ровно, уважительно, неукоснительно придерживаясь положенной субординации. Во всех сотрудниках, без исключения, ценил профессионализм. Непрофессионалов, начиная от уборщицы и до администрации, кроме, пожалуй, Красникова, в банке не было.

За промахи, допущенные в работе, распекал безбожно. Снимал очки в золотой оправе, сжимал пальцами переносицу и, убедившись, что очки действительно снял, начинал монотонный разнос. Голос никогда не повышал, не унижал, не давил, но «ковра» боялись все без исключения.

Единственный человек, с кем был Стрельников на «ты», да и то один на один, – Говоров. Стас Говоров – начальник внутренней охраны банка. Что связывало генерального с начальником охраны – никто не знал. Может, родственник, может...

Через пару лет Стрельников создал, что называется «под себя», профессиональный, креативный коллектив, и противостояние успешно завершилось в пользу генерального.

Тревога, такая же серая и невыразительная, как серость за окном, разливалась по телу, холодила кожу между лопаток. Когда она появилась? Он начал

вспоминать по порядку весь день с самого утра.

На работу он приехал, как всегда, раньше всех. Бегло просмотрел план работы на день. Обнаружил на столе конверт с приглашительными на спектакль. На две персоны. Приглашительные билеты он сразу вернул в приемную секретарше.

Год назад банк спонсировал гастроль молодёжного малоизвестного театра, и с тех пор главный режиссер присылал приглашительные на каждую премьеру.

Режиссер оказался довольно плодовитым, и приглашения Стрельников получал регулярно, только времени для театра не было. Лера театр не любила.

Что любит Лера? Любит ли он Леру? Стрельников о высоких материях старался не думать. С ней хорошо в постели. Может, этого и достаточно, а остальное... не важно.

О чем он говорил с Лерой в последнее время? Надо было б позвонить и извиниться. Что она нашла в нем? Он вдруг поймал себя на мысли, что рассуждает о женщине с позиции корысти, так, словно Лере чуждо само понятие любви. Интересно, что бы сказала Саша о Лере? Чего она так растерялась при встрече?

Резкий стук в дверь вывел Стрельникова из раздумья. Говоров, всегда подтянутый, с военной выправкой, которую не мог скрыть никакой штатский костюм, вошел в кабинет.

– У нас проблемы.

Говоров мог бы о проблемах и не говорить. Уже по тому, как он сел и начал барабанить пальцами по столу, Стрельников знал – у них проблемы.

Слушать о проблемах в конце пятницы Стрельников не хотел. Он тоскливо посмотрел в окно.

Первый раз они встретились «сто лет назад», на завершающем этапе десятилетней афганской кампании в провинции Паки: только что получивший звездочку майор разведки Станислав Говоров и рядовой Павел Стрельников.

Профессионал и четверокурсник...

О том, что блокада Хоста прорвана и в город двинулись с продовольствием первые машины, Говоров и Стрельников узнали в полевом госпитале. А пятнадцатого февраля советская сторона, выполнив Женевские соглашения, покинула Афганистан.

Той же осенью на последний курс Стрельников вернулся повзрослевшим на десятилетие, с едва заметной сединой на висках, с мелкими шрамами на спине и легким налетом цинизма. Однокурсники с наивными размышлениями о жизни стали вдруг неинтересны, девушки утомляли, и ему больше ничего не оставалось делать, как учиться. О войне он никогда не говорил, но она еще долго вривалась в его беспокойные сны. Он просыпался весь в холодном поту и никак не мог понять, где он. Потом все прошло. Война перестала сниться.

Колесо спустилось в самый неподходящий момент. Он опаздывал на встречу. Рассудив, что в метро будет быстрее, чем поймать такси в час пик, да еще попасть в пробку, Стрельников, давно отвыкший от общественного транспорта, спустился в подземку. Втиснувшись в переполненный вагон, он напряженно прижал к себе портфель, боясь, чтобы, не дай бог, какой-нибудь воришка не вытащил бумаги. На станции «Смоленская» новая волна входящих бесцеремонно оттолкнула Стрельникова внутрь вагона и сжала со всех сторон. Он бестолково пытался выдернуть портфель, чувствуя, что деликатная кожаная ручка долго не выдержит такого варварского обращения. Будь что будет. Он с силой дернул портфель, основательно зацепив чью-то штанину. Мужчина бомжеватого вида обернулся. Мутные глаза сосредоточились на лице Стрельникова, но картинка, похоже, никак не складывалась. Мужчина мотнул головой, улыбнулся и стал протискиваться ближе к выходу. Кожаный портфель полностью освободился, и Стрельников наконец-то прижал его к ноге. Комок застрял в горле. Он не мог сообразить, как обратиться к мужчине, и начал работать локтями, пробираясь за ним к выходу.

Выйти на станции вслед за мужчиной ему не удалось. К выходу надо было готовиться заранее. Метро – это вам не машина с личным водителем.

Важность встречи, на которую так боялся опоздать Стрельников, сразу утратила значимость. Павел вышел на «Площади революции» и вернулся опять на «Арбатскую». Мужчина бомжеватого вида стоял в стороне от эскалатора. Дежурный по станции требовал документы. Бомж тщетно рылся в грязных

карманах, пытаюсь найти хотя бы какое-то подобие документов, удостоверяющих личность. Павел протянул свой паспорт и сунул купюру в карман дежурного, после чего обнял пошарканного мужчину.

Дежурный с интересом наблюдал за необычной сценой до тех пор, пока обзор эскалатора не закрыли другие пассажиры.

Вечером они пили водку в затрапезном кафе: отставной полковник Говоров и бывший рядовой Стрельников. Генеральный директор и... почти бомж.

После ельцинских реформ найти работу даже таким профессионалам, как Говоров, оказалось делом непростым, почти невозможным. Многие сослуживцы, вернувшись в Москву, поднапряглись, подняли старые связи и нашли себе теплые места. У Говорова с этим не получилось. Кадровые агентства, учитывая навыки, знания и определенный опыт, предлагали полковнику только службу в охране. С перспективой и карьерным ростом...

Говоров соглашался, подписывал кучу всяких бумажек и справно вносил предоплату. Но дальше этого не шло.

Что-то было в нем такое, что мешало новоиспеченным бизнесменам принять полковника на работу.

Потом ему позвонил мужчина, представившись коллегой, и пригласил на встречу. Как нашли номер его телефона, он даже не спрашивал. Страна продавала все. Можно было запросто купить любую информацию – только плати. От встречи Говоров хотел сразу отказаться, но в последний момент передумал и согласился. А вдруг...

О чем пойдет речь, он интуитивно догадался, как только переступил порог дорогущего ресторана.

Работу ему действительно предложили. Профессиональные навыки, полученные полковником на войне, оплачивались очень хорошо.

Говоров никогда не был праведником. В него стреляли, и он стрелял. Ничего нового, необычного или шокирующего в смерти он давно уже не видел.

Предложение о сотрудничестве звучало просто, открыто и без недомолвок.

И получалось, что стать убийцей – значит нарушить заповедь Господню и вселенский закон, а стать киллером – всего лишь выполнить высокооплачиваемую работу.

Говоров не был набожным, но твердо знал, убивать – смертный грех. Грех, за который он получил ордена и медали. На войне, как на войне...

Говоров не был святым. К лику святых причисляли только воинов-монахов. И не потому, что они землю защищали с оружием в руках, а потому, что, спасая своих близких, брали на себя их смертный грех.

Вернувшись домой, Говоров напился. А потом и вовсе стал пить. Запой участились, перейдя в каждодневные. В один из таких дней от него ушла жена. Немного протрезвев, Говоров обнаружил ее отсутствие, да и то ненадолго.

Со временем в когда-то уютной квартире с толстыми стенами, высокими потолками и хрустальной люстрой, оставшейся от прежних хозяев, появились друзья – собутыльники. И жизнь в пьяном угаре потекла дальше.

В дни запоя на него наваливались тяжелые беспокойные сны. То опять приходилось куда-то ползти безоружным, таща на себе раненого, и вокруг никого не было. То он попадал в плен к душманам и стрелял в таких же, как сам, пленных. И с ужасом вскакивал от автоматной очереди, пущенной по своим солдатам.

Говоров часто просыпался среди ночи от легкого прикосновения холодной руки. Он тревожно всматривался в темноту. Тараканы с человеческими головами бегали по комнате и строили полковнику рожицы. Избавиться от этой нечисти помогал только глоток водки. Но подняться с постели и сделать шаг к спасительной бутылке Говорову не давал почти животный страх. Съежившись, укрывшись с головой прокуренным пледом, он с нетерпением ждал рассвета. Утром тараканы исчезали до следующей ночи.

Через неделю после встречи Стрельников определил бывшего командира в частную клинику. Больница закрытого типа чем-то напоминала сказочную страну. Все в ней было самостоятельное, автономное и стерильно-чистое до

неприличия. Покинуть клинику, как и мультяшную страну невыученных уроков, было невозможно, не сдав экзамены.

На третий день после отмены спиртного у Говорова случился алкогольный делирий. Белая горячка. Мало того что он гонялся за чертями по отделению, так еще и порывался спасать от них медсестричек. Все закончилось тем, что охранники буйного пациента спеленали, понеся при этом моральный, а еще больше физический ущерб.

На следующее утро Стрельников причиненный ущерб полностью возместил.

После интенсивного курса терапии Говоров начал постепенно приходить в себя. Ежедневные пробежки и занятия в спортзале приносили бодрящее чувство кажущейся свободы. Единственное, что портило эту сказочную жизнь, – встречи с психотерапевтом. Вальяжный и уверенный в себе Степанков вначале раздражал Говорова до зубного скрежета. Копание в душе было не только противным, но и очень болезненным. А потом он свыкся. Даже стало самому интересно, кто же он на самом деле.

Через год, истратив уйму денег, Стрельников с внутренней гордостью представил сотрудникам банка нового начальника внутренней охраны. Отдохнувший, загорелый, подтянутый, с военной выправкой и цепким взглядом, отставной полковник Говоров Станислав Алексеевич начал новую жизнь.

– Я вчера около десяти вечера проезжал мимо банка. В твоей приемной мелькнул свет. Я сразу набрал тебя, – Говоров внимательно следил за реакцией Стрельникова.

Павел вспомнил, как после звонка Софья начала ворчать, что спокойно поговорить не дадут. И говорили они тогда, кажется, о детях. И он еще подумал, что звонит Лера. Но она так и не перезвонила. Значит, рассердилась. Это надолго.

– Я с дежурным охранником прошелся по всем этажам – нигде никого.

– Стас, может, показалось?

– Хотелось бы верить, Паша. В твоей приемной кто-то был. С утра я сам проверил все закоулки. Смотри – в разжатом кулаке блеснула малюсенькая коробочка. – Как тебе находка? Прослушка примитивная. Такую купить несложно. Но прикрепить ее мог только кто-то из сотрудников. Знаешь, где я ее нашел?

Стрельников вопросительно посмотрел на Говорова.

– За настенными часами в конференц-зале.

– И что теперь делать? – Голос Стрельникова был ровным.

– Верну назад. Пусть думают, что мы не в курсе. Сегодня вечером подъеду к тебе. Проверим на всякий случай квартиру.

Вопросы и догадки вихрем проносились в голове, отчего Стрельников никак не мог сосредоточиться. Настроение на все выходные бесповоротно испортилось. Не хватало только еще найти прослушку у себя дома. От мысли, что кто-то чужой без разрешения ходил в его кабинете, касался его вещей, рассматривал на стенах фотографии, переставлял книги, Стрельникову стало особенно неприятно.

В дверь несмело постучали. Виолетта так всегда стучала в конце рабочего дня: робко и несмело, боясь получить новое распоряжение и, не дай бог, задержаться на работе в канун выходных.

– Пал Палыч, я еще нужна вам?

В голосе секретарши звучал готовый ответ.

– Сегодня – нет. Вы свободны. Хороших выходных.

Последняя фраза прозвучала излишне холодно, и Стрельников, чтобы ее как-то скрасить, улыбнулся.

Виолетта собиралась сказать «спасибо» за пригласительные билеты, но, увидев Говорова, погасила лучезарную улыбку и только кивнула головой. Говорова она побаивалась. Его побаивались все, независимо от занимаемых должностей.

Начальник внутренней охраны банка был под стать генеральному директору: немногословный, серьезный и привлекательный. «Им бы немного теплоты в глазах да улыбку на лица. А так – два робота», – сделала заключение Виолетта.

* * *

Дождь начался сразу, как только Саша вышла из метро. Холод быстро заполз под куртку. Надо было не раздумывая ехать машиной. Получилось бы дольше, зато теплее. Такую непогоду она любила, но исключительно сидя с книгой в кресле, завернувшись в мягкий, теплый плед.

К старому дому на проспекте Вернадского от метро Саша добралась насквозь продрогшая минут за десять. Звонок она нажала минута в минуту оговоренного времени. Только Юрий Николаевич Степанков, отличавшийся патологической точностью, дверь открывать явно не спешил. Она позвонила еще раз и прислушалась. За дверью слышались шорохи, что-то со стуком упало. Дверь, которую Саша помнит лет сто, открылась, и на пороге, закрывая проем, застыл растрепанный Степанков.

– Ты не один? Мы же договаривались... – В голосе Саши звучала обида.

– Давай, ты... Это... – Степанков пригладил торчащие волосы, пытаясь придумать оправдание. – Здесь за углом кафе. Выпей кофе.

Он лукаво улыбнулся, обрадовавшись своей сообразительности. При этом он даже не извинился, словно договоренности и вовсе не было. За дверью слышались легкие женские шаги и снова что-то упало.

– Она уже уходит, – одними губами прошептал Степанков. – У тебя – полчаса. Не засиживайся!

Наставление Степанкова догнало Сашу через лестничный пролет. Пришлось опять идти к метро, где на углу располагалось небольшое кафе. Раньше на этом месте, сразу за домом, была пивная. Но когда это было.

С Юрой Степанковым она училась в одном институте, на одном курсе, правда, в разных группах, но это никак не мешало дружбе. На втором курсе Степанков

даже пытался ухаживать за ней. Но у нее тогда уже случился роман. Настоящий. Длинною в четыре года.

Случившееся разногласие со Степанковым она тогда серьезно переживала. Правда, недолго. Спустя неделю Юра Степанков как ни в чем не бывало снова сидел возле нее на всех лекциях. Мир восстановился.

Любовь ее захлестнула внезапно и надолго. Тогда она знала – навсегда.

Илья был на курс старше. Веселый, остроумный, он умудрился с первого знакомства понравиться и бабушке, и матери. А вот дед... Дед оказался в другом лагере и был стойким противником ее избранника. Открыто, конечно, дед ничего не говорил, но она это чувствовала. «Нет в твоём Илье мужской породы, – как-то заметил дед. – А если так, то остальные достоинства не имеют значения».

Любовь, как известно, слепа. И никто не знает, за что одних любят, а других нет... Отношения оборвались так же внезапно, как и начались. С каникул на шестой курс Илья приехал с обручальным кольцом. Ей показалось, что она умирает. Умирала она долго и мучительно. По частям... Слова деда оказались пророческими.

За те полчаса, что Саша коротала в кафе, она успела выпить не только чашечку кофе, но и съесть пару пирожных. Пирожные были настолько вкусными, что она не удержалась и заказала для Степанкова. Он вспомнил о ней в тот момент, когда коробка аккуратно пристроилась поверх пузатой бутылки коньяка. Ответить на звонок оказалось делом непростым. Телефон дребезжал в глубине сумки.

Сумку, которая была из серии «на все случаи жизни», она привезла из Германии. В последний момент, уже перед самым отъездом, мать Степанкова завела ее в первый попавшийся магазин. Кроме сумок, мелких ярких сувениров и улыбающейся продавщицы, в магазине больше ничего не было. Сумки были невообразимо дорогими, особенно вот эта «на все случаи жизни». Она могла стягиваться шнурком, превращаясь в спортивную торбу, в которую легко вместились не только бутылка коньяка, но и коробка с пирожными. Стоило уложить плотное дно, и от мешка не было и следа – обычная сумка, умело декорированная толстым шнурком.

- Пусть подарок напоминает тебе, что в Москве у нас остался сын без присмотра, - Анжелика Николаевна вручила подарок.

Сын, то есть Степанков, ни в чьем присмотре давно не нуждался, но от сумки отказаться Саша не смогла.

- Я тебе так скажу. - Степанков прикончил последнее пирожное и на всякий случай заглянул в коробку. - Без большого диагноз я, конечно, не поставлю, но одно скажу наверняка - у него психологическая травма, а потом уже твоя неврология.

Что-то подобное она и ожидала услышать. Какая-то деталь всплывала в ее памяти, но чего-то не хватало до полной картинки. Что же случилось в жизни Лагунова, через что же он так болезненно перешагнул? Или, наоборот, не смог перешагнуть?

- Ты заметила, что твой Лагунов постоянно чувствует вину перед женщиной или женщинами, неважно? Главное - чувство постоянное, навязчивое, а оно, как известно всем умным людям, самое разрушительное из всех чувств.

- Ну, это я, допустим, и сама знаю, что чувство вины разрушительное. А почему вдруг - вина перед женщиной? Может, у него вина перед коллегой или перед клиентом, которого обещал спасти от тюрьмы и не спас?

- Согласен. Но, опять же, кого он не воспринимает? Нянечек там всяких, медсестричек, тебя, кстати, тоже. Одним словом - женщин. Ну, так какой отсюда вывод?

Степанков прищурил глаза и смотрел на нее так, словно она давно знала ответ сама.

- Правильно, - продолжал Степанков, - болезнь - это самозащита сознания. И оно будет держаться за болезнь до победного конца. Скорее всего, - Степанков предупредительно поднял указательный палец, - какие-то комплексы сформировались в глубоком детстве, потом с возрастом начали контролироваться, вытеснялись в подсознание. А потом - бац! - стресс! И понеслось! Крыша - тю-тю!

Лекция была красноречивая и познавательная. Степанков, похоже, нравился сам себе. Даже глаза заблестели. Возможно, эти глаза, без тени лукавства и сомнения, и притягивали всех тех, кому нужна была помощь этого грузного, неуклюжего человека, способного заглянуть в святая святых – в человеческую душу.

– Это, кстати, тезис докторской диссертации, – подвел итог без пяти минут профессор.

– О высоких материях я сразу догадалась.

– Как твой алкоголик поживает? Надеюсь, после моих сеансов в стойкой ремиссии?

Саша вытаращила глаза. Никаких знакомых алкашей у нее отродясь не было.

– Ох, эта ваша девичья память! Помощь нужна была другу твоего друга. Фамилию твоего друга не помню, а своего пациента помню – Говоров, – каламбурил Юра Степанков.

Напоминание о Стрельникове навеяло грусть.

– Ты чего сникла?

– Юр, я, наверное, поеду в Германию. Меня приглашают работать в клинике.

– Не смей людей. Меня тоже, представь, приглашали. Помнишь, я год там прожил. И все! Домой! Тоска там невероятная. Даже не думай!

Конечно, ему легко говорить, а у нее третий день после встречи со Стрельниковым, и на душе еще паршиво. В Германии она не будет думать о нем. Уже ради этого стоит подписать контракт. Она уедет, а он женится или, наоборот, он женится, а она уедет. От слагаемых сумма, как известно, не меняется.

– Может, у меня там мужчина.

– Какой мужчина? Скажи просто – немец. А то сразу – мужчина. С немками долго жить невозможно. Я это тебе ответственно заявляю. С немцами не пробовал, – хохотнул Степанков, – но уверен – то же самое. Они правильные и пресные.

– Ладно, пока не уехала, ты посмотришь Лагунова?

– Скажи, я тебе хоть раз отказывал в помощи? Конечно, посмотрю. Хоть все отделение пересмотрю.

Давая обещания, Степанков пошел в кабинет и вернулся с толстой записной книжкой.

– Три дня меня не будет. А потом... пятница. Ох, до чего замечательный день! Самый лучший день недели. – Степанков пролистал исписанные страницы. – Понедельник устроит?

Ее устраивали все дни. И если бы Степанков предложил ехать в больницу прямо сейчас, она поехала бы, не раздумывая.

На лечебном факультете Степанкова знали все или почти все. Невзрачный на вид: невысокий, полноватый, слегка растрепанный, при этом он был душой любой компании. Участвовал во всех студенческих движениях, форумах и попойках.

Резкие перемены произошли, кажется, на четвертом курсе. Очередная дама сердца училась в МГУ на факультете психологии. Высокую, на голову выше Степанкова, очкастую девушку Саша видела пару раз в коридорах института и даже была лично представлена, после чего и поссорилась со Степанковым. Как можно было променять ее, лучшую подругу, на ту очкастую дылду?

В результате очередного непродолжительного романа Степанков увлекся психологией настолько, что параллельно заочно окончил факультет психологии в том же МГУ. То ли девушка была прирожденным психологом, то ли Степанков родился для психологии – неизвестно. Вскоре, между делом, Степанков защитил кандидатскую диссертацию, доказав депрессивную компоненту в судьбе алкоголиков. Потом появились на свет монографии. Пришло признание и начало докторской диссертации.

О Лагунове они больше не говорили. Разговор перескакивал с темы на тему, пока Саша не спохватилась. Пора домой.

Всю дорогу до остановки Степанков рассказывал анекдотические случаи из своей практики. И она перестала себя жалеть, и грусть немного развеялась.

– Ты серьезно о немце говорила? Из-за него туда едешь? – Степанков ускорил шаг и дернул ее за рукав. – Знаешь, это даже непатриотично! И принцев у них точно нет.

Говорить о принцах не хотелось. На счастье, за поворотом показалась маршрутка. Но войти в подъехавший транспорт, без определенной сноровки, с первого раза не получилось. Степанков еле затолкнул ее в следующий троллейбус. Створки с трудом закрылись. Пассажиры плотно прижались друг к другу. Ей с трудом удалось занять место у окна, за которым отдалялся Степанков. Потом, прикрыв глаза, она попыталась представить принца. Но с принцем ничего не получалось – перед глазами стоял образ Стрельникова.

* * *

Проехав почти приплюснутой к стеклу, Саша в который раз пожалела, что послушала Степанкова и не поехала в метро. «Нашла кого слушать. Степанков сам, небось, последний раз ездил в общественном транспорте, будучи студентом», – запоздало посетовала Саша. В этот момент пассажиры, стоящие на ступеньках, чувствуя приближение остановки, навалились всей массой на стоящих позади себя. Дверь, немного освободившись от тел, сделала надсадные потуги и со скрипом разверзлась. Живой поток, хлынувший наружу, оттеснил ее от окна, подхватил и практически вынес на улицу. Затолкаться обратно в транспорт, без помощи Степанкова, нечего было и думать.

Мелкий холодный дождь отчетливо барабанил по крыше остановки. Саша посмотрела на часы, прикинув в уме, сколько еще будет длиться час пик. Получалось, около часа, не меньше.

Вывеска на противоположенной стороне, сверкающая огнями, как новогодняя витрина, с близкого расстояния оказалась вовсе не названием кафе, а замысловатым названием супермаркета. Бродить по магазину – не самое

интересное время провождения, но все же лучше, чем мерзнуть на остановке.

Стрельников припарковал машину на стоянке возле супермаркета. Уже почти доехав домой, он вспомнил о пустом холодильнике. И пожалел, что так опрометчиво отказался от Софьиных пирожков. Возможно, Говоров откажется от холостяцкого ужина, а если нет?

О Говорове он думал, кажется, с того момента, как за ним закрылась дверь кабинета. Вернее, не о самом Говорове, а о той неожиданной находке. Он старался не думать о работе, но навязчивые мысли снова возвращались в кабинет. Тогда он попытался думать о Лере, и когда ничего не получилось, заставил себя думать о предновогоднем заседании акционеров банка.

Заседание проходило практически в одно и то же время – в двадцатых числах декабря. Традиция сложилась с момента образования банка. Да и понятно: акционеры хотели перед длительными праздниками услышать годовой отчет и планы на следующий год. Все хотели уверенности, перспектив, доходов и прочая, прочая.

Он каждый год тоже мечтал о бездумных рождественских каникулах в Севастополе. За последние три года с праздниками ни разу не получилось. А в этом году Виолетта уже забронировала два билета на самолет – для него и Леры. Он представил слякотный Севастополь в канун Нового года. Он даже запланировал ничегонеделание. И как приговорил!

От навязчивых мыслей Стрельников опомнился, когда его окликнула молоденькая кассир, терпеливо выжидавшая, когда мужчина наконец-то оплатит покупки. И только бегло взглянув на счет, светившийся зелеными цифрами на табло, он осознал факт своей неплатежеспособности. Бумажник и кредитки остались в машине. Надеясь на чудо, он стал шарить по карманам. Очередь, образовавшись за спиной, словно это был единственный кассовый аппарат на весь супермаркет, неодобрительно зашумела. Стрельников беспомощно огляделся вокруг и вдруг, не веря своим глазам, увидел знакомую женскую фигуру. Оставив пакет на кассе, он быстрым шагом направился в торговый зал за своим спасением.

Среди стеллажей, на которых стояла в ярких коробках и коробочках разнообразная снедь, большей частью малосъедобная и безвкусная, не спеша

прохаживалась Александра. Оторвав взгляд от очередного кулинарного шедевра, она с интересом наблюдала за сценой возле кассы. Жесты незадачливого покупателя говорили сами за себя. И было в этих жестах что-то по-детски наивное и знакомое. Она не успела спрятать улыбку, как перед ней появился Стрельников. В походке, в блеске золотой оправы было все так серьезно и трагично.

– Я тебя спасу при условии, что ты меня довезешь до дома.

Она открыла пустую сумку «на все случаи» и достала кошелек.

В огромном супермаркете от присутствия Стрельникова стало неожиданно тепло и... тесно. Высокий, широкоплечий, в модном коротком пальто, со стороны похожий на мультяшную птицу, он загораживал покупателям узкий проход.

На втором этаже сидящий возле монитора видеокamer дежурный внимательно наблюдал за странной парочкой. Нашли место для встречи...

– Как ты оказалась в моем районе? У меня здесь жилище.

Надо полагать, что в том направлении, куда Стрельников махнул рукой, и находилось его жилище. Что собой представляет не квартира, а именно жилище, она понятия не имела. Респектабельный Стрельников сродни небожителям и жить должен был за пределами этого мира. А оказалось, что живет среди людей. От этой мысли у Саши защекотало в горле.

Он неожиданно обрадовался этой встрече. И дело было вовсе не в одолженных деньгах. Он с таким же успехом спустился б за бумажником к машине, а мог и вообще ничего не покупать. Дело было в другом.

Стрельников, смеясь, втиснул деньги в безмерную сумку, лежащую на Сашиних коленях. Колени у нее оказались не острые, а округленные и теплые.

И ему вдруг стало интересно все: и то, почему она оказалась в его районе, и «непонятный больной», который ее беспокоил. Из-за него она в непогоду ездила к своему другу, почти профессору, почти гению своего дела. Вместо того чтобы дальше думать свои невеселые думы, он начал думать о «непонятном» больном,

который не хочет жить, а жить надо, ибо...

Неужели обычная жизнь может наполнять и радовать человека только тем, что она есть и ты причастен к ней? Странно, но такая крамольная мысль ему раньше никогда не приходила в голову. Он удивился своему открытию, пожалуй, несколько не меньше, чем Галилей, увидев темные пятна на солнце.

Господи, как хорошо, что есть вот такая женщина, которая искренне печется о «непонятном» больном, которому наплевать на всех и вся, а он должен бороться, за него должны бороться...

Случись с ним, со Стрельниковым, что-то «непонятное», кто будет бороться за него? Есть ли у него такая женщина? Была ли?

А еще у нее, у Саши, есть настоящий друг. Стрельников его вспомнил сразу, как она назвала фамилию. Он, этот почти профессор и почти светило, тогда Говорову очень помог.

– А твой Степанков женат? – ни с того ни с сего брякнул Стрельников.

– Официально – нет. А так, для души, – улыбнулась Саша, вспомнив недавний конфуз, – кто-то есть.

Домой он Сашу так и не довез. Она попросила остановить возле киоска, где продается черный хлеб с черносливом. Хлеб невероятно вкусный с крепким утренним кофе. Но его обязательно надо подсушить.

Он никогда не пил кофе с улежавшимся черным хлебом с черносливом.

На обратном пути Стрельников петлял дворами, сокращая путь. Он опоздал на пару минут. Машина Говорова, миновав шлагбаум, остановилась возле подъезда.

Как и договаривались, в квартиру зашли молча. Говоров открыл маленьким, едва заметным ключом серый чемоданчик и достал небольшой прибор. Обойти огромную квартиру оказалось не таким быстрым делом. Сосредоточившись на приборе, Говоров медленно обходил комнату за комнатой. Наблюдая за происходящим, Стрельникову казалось, что он смотрит плохой шпионский

детектив.

– Все. Чисто.

Говоров так же не спеша спрятал прибор в кейс.

– Ты серьезно думал, что мог обнаружить прослушку у меня в квартире?

– Нет, конечно. Но чем черт не шутит. Теперь спокойнее.

– Что ты думаешь вообще обо всем этом?

Говоров, сидя в кресле, прикрыл глаза и, подражая Стрельникову, сжал переносицу.

– Ну, скажем так: работал непрофессионал. Профессионал «жучок» на виду не поставит. Это первое. Второе – сделал кто-то из своих. И третье – идет сбор информации. Вопрос только – какой и для кого? Это пока все.

– Я скажу Виолетте, чтобы подготовила тебе справку, кто собирался в конференц-зале. Там могли быть и посторонние.

– Можно, конечно, и подготовить, только это ничего не даст. «Жучок» я нашел за настенными часами. Чтобы его там прикрепить, надо стул приставить и стать на него. А если кто зайдет? Своим опасаться нечего. Знают, когда их никто не застанет. Кстати, ты больше машины не видел?

– Нет.

Стрельников прикидывал в уме количество сотрудников, которые могли зайти в конференц-зал, и не сразу ответил Говорову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/demchenko_alla/gor-kiy-privkus-schast-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)